

Глава 3

Небо уже совсем потемнело, но в ярко освещенной имперской столице то тут, то там виднелись мерцающие звезды.

Коктейльная вечеринка в оранжерее Вирмитэ подошла к концу. Гости, кто с восхищением, кто с сожалением, гуськом выходили под руководством слуг и направлялись в банкетный зал, чтобы занять свои места.

Банкетный зал также был пышно украшен. Не говоря уже о пространстве и деталях оформления, одна только гигантская хрустальная люстра в центре зала, украшенная бесчисленными гирляндами из белых ландышей, вызвала восхищение у многих знатных дам.

Бай Цимин и королева уже заняли свои места за главным столом справа. Рядом с ними, пробравшись коротким путем, сидели второй принц Бай Ясы и третий принц Бай Лэйтэ. Старый маршал Гу одиноко сидел за главным столом слева. Под звуки изящной и нежной фортепианной музыки все гости заняли свои места.

Внезапно нежная фортепианная мелодия плавно сменилась. Никто в зале не мог не узнать ее — это было знаменитое произведение «Белые ландыши под луной».

Под звуки этой благословенной мелодии полуоткрытые двери банкетного зала распахнули две шеренги слуг, и два главных героя вечера, нежно держась за руки, вошли в зал.

Воспользовавшись поклоном, чтобы высвободить свою руку, которую держали всю дорогу, Бай Юньци наконец с облегчением вздохнул. Он вежливо улыбнулся и первым занял свое место за главным столом справа.

Гу Тинлань на мгновение незаметно замер, а затем подошел и молча сел за главный стол слева.

Новобрачные заняли свои места, и слуги начали разносить главные блюда. Банкет официально начался.

— Сегодня вечером, как отец этих новобрачных, я приветствую всех присутствующих гостей, — Бай Цимин встал и оглядел зал. На лице обычно сурового императора в этот момент была теплая улыбка, которая доходила до самых глаз.

— От имени себя и моей семьи я хотел бы сказать несколько слов новобрачным, — Бай Цимин поднял бокал и, повернувшись, посмотрел на Гу Тинланя и Бай Юньци, сидевших за главным столом.

— Во-первых, я хочу поблагодарить своего старшего сына за то, что он принес нам столько лет

радости и счастья, — сказал Бай Цимин, глядя на своего сына, которого он растил почти двадцать четыре года, и его сердце сжалось от тоски.

Бай Юньцзи, не мигая, смотрел на императора, и его глаза уже покраснели. Он боялся пропустить хоть слово. Его руки под столом были крепко сжаты, чтобы сдержать эмоции.

Бай Цимин отпил немного вина из бокала и, слегка наклонив голову, посмотрел на сидевшую вместе пару. Его лицо стало серьезным.

— Во-вторых, я хочу сказать, что брак означает, что у вас теперь есть новый дом, и с этого момента вы должны сами нести ответственность за семью и общество. Жизнь длинна, и я надеюсь, что в будущем, что бы ни случилось, вы сможете понимать и прощать друг друга, идя по жизни рука об руку.

Под его взглядом Гу Тинлань серьезно кивнул, своим серьезным видом показывая императору, что его надежды не будут напрасны, и он все сделает!

— И наконец, я желаю вам счастья в браке, вечной любви и долгой совместной жизни, — Бай Цимин одним глотком осушил бокал, подавив едва заметный комок в горле, а затем, подняв пустой бокал, повернулся к гостям.

Синие глаза Бай Юньцзи уже блестели от слез. Он глубоко вздохнул, с одной стороны, напоминая себе, что все это — его собственный выбор, а с другой — пытаюсь сдержать эмоции, чтобы не расплакаться в такой момент.

Внезапно он почувствовал тепло у уголка глаза. Слезинка, спровоцированная прикосновением пальца Гу Тинлани, неожиданно скатилась по его щеке и потекла по пальцу.

Дыхание Бай Юньцзи перехватило. Он с недоверием посмотрел на Гу Тинлани. Все его самообладание и попытки сдержать эмоции в этот момент рухнули.

Гу Тинлань, однако, не был так сложен. Собрав слезы Бай Юньцзи, он тут же достал из кармана шелковый платок и протянул его принцу с выражением глубокой озабоченности на лице.

«...» — стиснув зубы, Бай Юньцзи взял платок. «Опять то же самое!» — подумал он. В его сердце наконец зародилось чувство опасности. Возможно, присутствие Гу Тинлани действительно может стать для него чем-то незапланированным.

В этот момент император уже закончил свою речь и сел. Подняв глаза, он как раз увидел эту небольшую сценку между новобрачными. С одной стороны, ему было жаль слез своего сына, а с другой — его забавляло его скрытое раздражение.

Старый маршал Гу, сидевший с другой стороны, тоже видел эту сцену. Он с грустью подумал, что его внук влюблен безответно, но в то же время порадовался, что его желание может исполниться.

Возможно, из-за того, что он был военным, речь старого маршала была на удивление короткой. Сначала он поблагодарил гостей, а затем обратился к Бай Юньци и Гу Тинланю:

— Старик не будет много говорить. Я лишь надеюсь, что вы будете жить в согласии и поддерживать друг друга! — после чего поднял бокал.

Все присутствующие встали и вместе подняли бокалы, с благословением осушив их до дна.

Когда все насытились, почти пятидесятилетний главный управляющий Ань Бо подкатил к главному столу огромный торт — свадебный торт новобрачных. Торт состоял из пяти ярусов. Белоснежный крем был украшен изящными узорами, а большие букеты из синих и белых роз, выполненные из крема, каскадом ниспадали вниз. Между ними были вкраплены несколько кремowych листочков, так что с первого взгляда было трудно отличить их от настоящих.

Бай Юньци легонько промокнул губы своим шелковым платком, встал, взял серебряный нож для торта, который держал перед ним Ань Бо, и подошел к торту.

Гу Тинлань тоже встал и встал рядом с ним. Он легонько положил руку ему на талию, а другой рукой накрыл его руку, державшую нож. Вместе они отрезали кусок от нижнего яруса торта.

Бай Юньци, сдерживая зуд, пробежавший по спине от прикосновения Гу Тинланя, с улыбкой взял отрезанный кусок торта на маленькую тарелочку.

После того как он согласился на этот брак по расчету, Бай Юньци уже отбросил все эти несущественные вещи. Но странное поведение Гу Тинланя и его неожиданные поступки сделали его мысли особенно чувствительными.

Нож взял стоявший рядом Ань Бо. Гу Тинлань, не убирая руки с талии, маленькой вилочкой отломил от торта кусочек, как раз подходящий для одного укуса.

Под доброжелательные возгласы гостей он поднес торт к губам Бай Юньци, его взгляд был, как всегда, сосредоточенным.

Розовые губы Бай Юньци изогнулись в сладкой улыбке. Он с сияющей улыбкой съел торт, а затем тоже взял маленький кусочек и поднес его к губам Гу Тинланя.

Гу Тинлань пристально посмотрел на него и съел этот кусочек, который был почти целиком из крема, без бисквита.

Бай Юньци, наблюдая, как он открывает рот и ест, почувствовал, как мрачные мысли, которые терзали его из-за Гу Тинланя, рассеялись, и в его синих глазах зажегся огонек настоящей радости.

Оставшийся торт с довольным видом был аккуратно разрезан Ань Бо и роздан по столам, чтобы все гости могли разделить радость и сладость новобрачных.

Бай Юньци с улыбкой снял руку Гу Тинланя со своей талии, взял его за руку и потянул в сторону танцевальной зоны. Светский бал должен был начаться с первого танца новобрачных. Большой оркестр и светотехники уже были на своих местах.

После открытия бала молодые юноши и девушки могли продемонстрировать свое мастерство на танцполе, приглашая понравившихся партнеров на танец, в надежде продлить сладость и счастье новобрачных.

Гу Тинлань, внезапно оказавшись ведомым, был немного ошеломлен, но его рука отреагировала быстро, крепко сжав ладонь в тот же миг. Он медленно кивнул в знак понимания.

— Ваше Величество, мы с... Юньци пойдем первыми, — Гу Тинлань склонил голову и вместе с Бай Юньци поклонился императору, а затем кивнул старому маршалу Гу, после чего они вместе удалились.

В танцевальной зоне уже звучала музыка, и свет в центре танцпола был мягким. Гости небольшими группами направлялись туда.

Гу Тинлань, слегка улыбнувшись, сделал изящный светский поклон и, протянув правую руку Бай Юньци ладонью вверх, как истинный джентльмен, произнес:

— Прошу.

Бай Юньци, оторвав взгляд от его губ, слегка кивнул в ответ, а затем медленно положил свою руку на его. На его мягком лице была стандартная улыбка «Имперского лунного света».

Он не слышал музыки. Даже после долгих тренировок сейчас он мог полагаться только на Гу Тинланя, следуя его ритму и движениям.

Пианист заиграл тихую, нежную мелодию. В центре танцпола новобрачные, держась за руки, подняли их, и их пальцы нарисовали в воздухе изящную дугу. Легко кружась в такт музыке, они опустили руки друг на друга.

Их элегантные па, полные гармонии, взмахи одежды, столкновение взглядов — твердого и влюбленного темных глаз и ясного и живого синих — были похожи на сон. Гости затаили

дыхание.

В центре танцпола две фигуры, обнявшись, кружились в такт музыке. Развевающиеся черные и серебряные волосы на мгновение, казалось, переплелись, преодолевая время в призрачном свете.

— Прости, — внезапно прошептал Гу Тинлань во время нежного па в конце танца.

«?» — недоуменно моргнул Бай Юньци, снова сбитый с толку этим неожиданным извинением.

— Когда мы держались за руки, ты был недоволен, — сказал Гу Тинлань, опустив взгляд на бледное лицо Бай Юньци, которое было так близко. Возможно, чтобы Бай Юньци было легче читать по губам, он говорил очень медленно.

...Недоволен? Когда держались за руки? Бай Юньци не мог понять, о каком именно разе говорит Гу Тинлань, ведь сегодня они держались за руки слишком часто.

— У входа в гардеробную. Прости, — добавил Гу Тинлань, видя, что Бай Юньци молчит. Он долго размышлял, но так и не смог понять, почему Бай Юньци был недоволен.

Бай Юньци, прочитав по губам, почувствовал, как у него зашумело в голове. Он не выказывал тогда никакого недовольства. Неужели его подвело выражение лица? Но ведь окружающие ничего не...

После нескольких изящных переходов мелодия стала затихать. Мерцающие огни собрались у их ног, образуя одну за другой сияющие розы. Раздались оглушительные аплодисменты.

— Цыц! — на втором этаже, в коридоре лаунж-зоны, с недовольным видом цыкнул Бай Ясы, который, оперевшись на перила, смотрел весь танец.

— Не сердись больше на своего брата, — сказал император, стоявший рядом с бокалом вина, и ласково погладил его по голове.

— Почему даже отец так говорит! Я не сержусь! Но он... почему он вдруг так поступил... — голос Бай Ясы становился все тише, и настроение его ухудшилось.

Бай Цимин, отпив вина, вздохнул:

— Это выбор твоего брата. Возможно, у него были свои причины.

— Они... возможно, на удивление хорошо подходят друг другу, — сказал Бай Цимин, глядя на

танцпол, где Бай Юньци, ведя за собой Гу Тинланя, выходил из толпы. Его взгляд был рассеянным.

Бай Ясы выглядел несогласным. Будь Гу Тинлань хоть самым богатым человеком в империи, хоть Шефом Исследовательского центра мехов, хоть сыном «Бога войны Империи», он не считал, что Гу Тинлань достоин его старшего брата.

Бай Цимин больше ничего не сказал. Отцу не стоило слишком вмешиваться в детские ссоры. Он лишь снова погладил его по голове и сменил тему:

— Поговори хорошенько со своей матерью...

Не успел он договорить, как лицо Бай Ясы потемнело. Подростковая гордость исчезла, и его взгляд стал мрачным. Он молчал.

«Что ж, — вздохнул про себя Бай Цимин, — еще недавно образцовая семья, где царила гармония, внезапно стала такой. У него разболелась голова. Он перепробовал все способы, и, возможно, только время сможет залечить раны».

В танцевальном зале внизу уже было полно пар, кружившихся в танце. Новобрачные, открывшие бал, уже давно исчезли в толпе.

«Зачем ты извинился?» — отойдя на приличное расстояние от банкетного зала, Бай Юньци остановился и, отпустив руку Гу Тинланя, которую он тащил за собой, спросил на языке жестов.

Даже если тот действительно был настолько проникновен, что заметил его недовольство, это была лишь мимолетная эмоция. Никто не стал бы извиняться за такое. Гу Тинлань казался слишком уж правильным.

— Держались за руки, ты был недоволен. Почему? — Гу Тинлань слегка нахмурился. Он говорил и одновременно переводил на язык жестов. В мягком свете веранды его недоумение было почти осязаемым.

Не получив ответа и, более того, получив встречный вопрос, Бай Юньци растерялся. Он запоздало понял, что Гу Тинлань с самого начала своими немногочисленными словами сбил его с толку, и он совершенно не отрицал своего недовольства. Теперь отрицать было уже поздно.

«...» — рука Бай Юньци замерла в воздухе. Он не знал, что ответить. Размышляя, он бросил взгляд на квантовый компьютер на своем запястье, и его глаза вдруг загорелись.

Он поднял запястье, коснулся квантового компьютера и, махнув им Гу Тинланю, спросил на

языке жестов, с интересом подражая его манере: «Ты сказал, это не брак по расчету. Что это значит?»

— Не брак по расчету, а знание и спутник, — так же не получив желаемого ответа, Гу Тинлань все же серьезно ответил. Однако в его сердце ответ звучал немного иначе: «Не брак по расчету, а любовь до седых волос».

<http://bllate.org/book/13697/1580933>